

Т И Ш И Н А.

I.

Бѣлый крестъ молчаливо и строго стоитъ на холмѣ. А близъ него совѣмъ маленькій, кружевной, чугунный еле виднѣется изъ цвѣтовъ. Маленькій крестикъ надъ могилкой сына Евфимія, большой бѣлый на могилѣ Елены-сестры.

Покойно и ясно на кладбищѣ. И совѣмъ не тоскливо, хотя кругомъ еще черные, необросшіе зеленью холмы и покосившіеся, поломанные временемъ кресты деревянные. Синѣетъ небо, теплое, весеннее. Такого апрѣля ужъ давно никто не запомнить: это лѣто кроткое,—не весна.

Двѣ женщины сидятъ неподвижно на скамьѣ у могилъ. Одна въ черномъ, другая—бѣлая и безпомощная. У той, что въ черномъ, такое свѣтлое, озаренное лицо: это Вѣра—монашенка; у женщины въ бѣломъ лицо погасшее, темное, умершее. Евфимія это.

— Какой просторъ, сестра, на этомъ кладбищѣ, а вѣдь оно огорожено,—негромко говоритъ Вѣра и тонкими пальцами, на которыхъ просвѣчиваютъ косточки, оправляетъ свое черное платье.—Не потому ли такъ просторно, что здѣсь не смерть, а жизнь? Когда люди живутъ, возлѣ нихъ такъ тѣсно.... Отчего же такъ безпредѣльно-широко, когда умираютъ они?

— Я не знаю, ничего не знаю,—отвѣчаетъ Евфимія.—Я не вижу ничего.

Кладбищенскій сторожъ проходитъ межъ могилами, стараясь не наступать на холмы и лежащіе брусья крестовъ. «Аминь, аминь».—шепчетъ онъ съ благоволеніемъ и поспѣшно отходитъ, выгибая спину. Этотъ странный Тихонъ всегда почему-то говоритъ «аминь» и совѣмъ нектати, и однако, всегда это слово имѣетъ смыслъ затаенный, точно даетъ отвѣтъ мыслямъ, навѣянными кладбищемъ: «да, вѣрно, аминь, истинно, да будетъ такъ».

Невинно и радостно дышутъ на кладбищѣ молодыя березы и кроваво-красные, сами собой рождающіеся, словно исходящіе изъ крови сердецъ умершихъ, цвѣты. Отчего они такіе невинные, когда выявились изъ смерти? Не потому ли, что смерть—это жизнь? Или потому, что имъ, возросшимъ со дна могилъ, извѣстна тайна сокровенная, тайна жизни неумирающей?

— Какъ хорошо, сестра, что могилы теперь у насъ—убранныя!—говорить Вѣра и улыбается.

— Я не вижу ничего,—повторяетъ Евфимія.—Ничего не вижу.

— Раньше могилы наши были заброшенныя, а теперь и цвѣты на нихъ растутъ, и рѣшетка исправлена, и елей теплится вѣчный...—Тѣсно Вѣра придвигается къ сестрѣ и заглядываетъ въ ея безжизненные глаза.—Умереть и лежать здѣсь—такъ благоестно, сестра. Ты вспомни только, какъ страшно за нее было, когда жила Елена, и какъ спокойно стало, когда она умерла. Была жизнь потерянная, были смерть и грѣхъ, и душа погибала,—а мы не страшились. А успокоилась душа,—нашла начало вѣчное,—и мы всѣ были встревожены, всѣ плакали, всѣ роптали... Правильно ли послѣ этого устроена людьми жизнь?

Не отвѣчаетъ Евфимія и все думаетъ безконечное. Вотъ старый докторъ подошелъ къ ней колеблющимися шагами. Въ обѣ руки онъ взялъ ея голову и поцѣловалъ въ лобъ и сказалъ, что сынъ маленькій—умеръ. Зачѣмъ умеръ, за что? Кто велѣлъ? Не вѣрила Евфимія этому даже тогда, когда отпѣвали сына въ церкви. Никто не вѣрилъ, что мальчикъ умеръ, и невѣримымъ, неувѣреннымъ голосомъ иѣлъ священникъ свои молитвы и недоумѣвающе слабо вторилъ ему дьячокъ. Это было такъ поразительно, что мальчикъ родился, былъ живой и—однако, умеръ,—что не вѣрилъ этому никто даже изъ постороннихъ... И только, когда подали Евфиміи въ тарелкѣ песокъ, чтобы бросила она землю на гробъ сына,—тогда разомъ стало ясно, что онъ умеръ, что все—земля. И, повѣривъ этому, она мгновенно ослѣпла. Но сейчасъ же, какъ только ослѣпла, спокойствіе овѣяло душу. Снова стало на ней ясно, какъ только отемнились глаза. Зло земли поражающее исчезло изъ нихъ,—сдѣлалось во взглядѣ ровно и безбрежно, и даже изгладилась изъ памяти черта сына умершаго,—не стало того, о чемъ было бы можно рыдать. Стала пустота. Спокойствіе стало вѣчное. Тишина распростерлась. Молчаніе.

— «Въ самомъ дѣлѣ, какой онъ былъ? Какія были у него черты?—Не помнить теперь Евфимія, какъ ни напрягаетъ ослабшую память. Помнить только одно: былъ онъ малепькій-маленькій! И кричалъ жалобно спачала, какъ зайчикъ, а потомъ замолчалъ. Были ли у него волоса темные? Или свѣтлые? И глаза какіе? Цѣловалъ ли онъ ее когда-нибудь? Хотя разъ единственный? Смѣялся ли?—Путается все въ головѣ.

Земляника юная невинно выглядываетъ свѣтлыми листьями на погребальномъ холмикѣ. Такъ кротко и успокоенно смотритъ она, что Евфимія стихла бы, если бь... увидѣла. Но не видитъ ея душа ослѣпшая, отчего не видитъ, когда кругомъ такъ ясно и примиренно?

Иконка блеститъ мѣдная, полустертая, на крестѣ; такая она старенькая, отемненная, озеленѣлая, по спокойно и радостно смотрѣть на нее. А вотъ еще что-то взглядъ обрѣзало. Подходить Вѣра и растроганно улыбается: нѣсколько дѣтскихъ игрушекъ прикрѣплено на березовомъ крестикѣ и среди нихъ особепно запоминается сломанная кукла.—«Любимая игрушечка!»—проносится въ головѣ Вѣры. Она бережно беретъ куклу на руки и бережно цѣлуетъ.—«Спи, маленькій: игрушечка при тебѣ».

Нѣжно и застѣнчиво дышитъ апрѣль. Звонъ съ неба едва ошутимый спускается. То звонятъ въ колокола алмазные бѣлые ангелы, и Господь Кроткій сидитъ на престолѣ алмазномъ и тихо улыбается, благословляя двухъ.

Съ ранняго утра опѣ здѣсь на могилѣ среди крестовъ неслышныхъ, кладбищенскихъ, говорящихъ вѣчныя, отпускающія горе слова.

II.

Ясное спокойствіе, наплывающее сверху, все крѣпче осѣпляетъ душу Вѣры. Да, отойди прочь все земное, тлѣнное; нетлѣнное сердце затеплилось подъ черною тканью; ему спокойно, ему нѣтъ дѣла до всего живущаго, ему хорошо. Осторожно обходить Вѣра могилки и читаетъ надписи. Такія онѣ простыя, обыкновенныя. «Кондратій Силенъ», — выводилъ, должно-быть, деревенскій маляръ, — «семидесяти лѣтъ». Ужъ, конечно, фамилія у этого Кондратія была Силипъ, но не даромъ, не ошибочно написалъ «Силенъ» сельскій живописецъ: онъ понималъ, что этотъ Кондратій былъ, дѣйствительно, въ жизни силенъ, разъ могъ протянуть жизнь черную мужицкую до семидесяти лѣтъ. И еще духомъ былъ силенъ Кондратій; и тѣломъ и духомъ. Не сломило тѣла питанье картофелемъ, и не сломила души болѣзнь, ни жизнь безрадостная, ни самая смерть. Развѣ не сказалъ этотъ Кондратій, умирая, свое извѣстное: «Слава Тебѣ, Господи» — за то слава, что родился и маялся, за то слава, что болѣлъ и умиралъ? И развѣ это не сила души простой, души опрощенной, взятой прямо отъ черноземной земли? Силенъ, силенъ былъ Кондратій и не ошибочно отмѣтилъ его силу живописецъ-символистъ.

«Вотъ у кого бы и учиться силѣ» ... думаетъ Вѣра и радостно улыбается. Какъ сильна, краснорѣчива и горда эта немудрая надпись въ сравненіи съ могилой помѣщицѣй—«Дворянинъ усопшій, полковникъ Бѣлокопытовъ, вкушаетъ вѣчное отдохновеніе подъ памятникомъ симъ». Какъ вычурно и мелко, какъ забавно-ничтожно въ сравненіи съ трогательной надписью: «Кондратій Силенъ». Это даже не обвѣяное лиризмомъ упоминаніе Пушкина—«Господень рабъ и бригадиръ». — Грустью, суетой безпомощной и невѣріемъ, и слабостью, и ложью вѣетъ отъ дальнѣйшаго: «Убитая горемъ супруга твоя и дѣти слезами неходятъ».

— Вѣрно ли это? Вѣрно ли написано?—Почему могила заброшена, хотя памятнику всего двадцать лишь лѣтъ. Или и жена умерла, въ самомъ дѣлѣ? А что же дѣти? Почему могила покинута? Почему не убрана?

И рисуется въ умѣ Вѣры картина знакомая. Вотъ шумятъ въ залѣ родичи и наслѣдники; шумятъ, спорятъ, сеорятся, завѣщаніе вскрываютъ... и такіе уходятъ иные блѣдные, полные злобы,—ихъ полковникъ обдѣлилъ...

«Грѣшно, постыдно,—сейчасъ же думаетъ о себѣ Вѣра и отходить отъ памятника, слабо краснѣя.— «Не судите, да не судимы будете» ... Не все еще, значитъ, испарилось изъ сердца земное, если приходятъ въ голову суетныя мысли».

— «Аминь, амннь» — бормочетъ, проходя, старпчокъ Тихонъ, вѣщій Тихонъ, и выгибаетъ спину смиренно.

Идетъ Вѣра къ Евфиміи, и комья черной земли падаютъ у ея ногъ. Останавливается, смотритъ. Маленькій человѣкъ съ сѣрыми волосами роетъ могилу; облипла рубаха, прилипла къ спинѣ, и видны на ней костлявые позвонки. На половину стоитъ мужикъ въ могилѣ вырытой.

— Кому роешь?—спрашиваетъ Вѣра смущенно.

Мужикъ отвѣчаетъ просто, не останавливая работы:

— Баба померши, Аксинья...—и попрежнему равнодушно-упруго подсакапываютъ по дорожкамъ засохшие комья съ извивающимися въ нихъ, обрѣзанными лопатой червями. Жутко становится на сердцѣ Вѣры.—Самъ же и роетъ... тоже вотъ, навѣрное, какой-нибудь «Кондратій Силенъ»,—посмотрѣть только въ его каменное лицо.

Подходитъ къ краю могилы. Заглядываетъ въ яму. Такъ жалко и безпомощно стоятъ на днѣ ея обутыя въ лапти худыя костлявыя ноги.

— Какъ же звать тебя?—спрашиваетъ она и подаетъ монету.—Господь подаетъ.

— Дорофеемъ Плоховымъ,—отвѣчаетъ мужикъ и кланяется, встряхивая сѣрыми волосами.—А жену звали Аксиньей... Аксинья Плохова!—поясняетъ онъ,—и горбится Вѣра и думаетъ: «Да, вонъ и Плоховъ, а какъ же силенъ! Какъ же и онъ силенъ. У нихъ и учиться».

— Господь видитъ тебя, Дорофей Плоховъ. Видитъ и твою Аксинью новопреставленную!—строго и увѣренно, съ блѣднымъ лицомъ говоритъ Вѣра и отходитъ.

— Спасибо, матушка!—отвѣчаетъ мужикъ, и снова къ ногамъ Вѣры бѣгутъ ссохшіеся сѣрые комья.

— Господь д о л ж е н ъ увидѣть тебя, Дорофей.

III.

Сестры тихо идутъ съ кладбища обратно къ дому, и Вѣра по дорогѣ плететъ изъ елокъ вѣнокъ,—сплела и надѣваетъ обѣимъ на плечи, отчего кажется, что вѣнкомъ онѣ словно связаны, что сплелась вмѣстѣ ихъ души и тѣла.

— Хорошо ли тебѣ идти такъ, Евфимія?—спрашиваетъ она, и сестра хотя и отвѣчаетъ обычное:

— Миѣ все равно, я ничего не вижу...

Но не колятъ душу ея опечаленныя темныя слова: слишкомъ ужъ хорошо было на кладбищѣ. «Такъ много горькаго,—и такъ тамъ радостно», говоритъ себѣ Вѣра и улыбается, вспоминая про Кондратія Силина и про Плохова Дорофея.

— Вотъ она мудрость истинная. Какъ просто у нихъ ихъ отношеніе къ смерти. Именно и надо сдѣлаться дѣтми, чтобы омудриться и понять: «Богъ далъ, Богъ взялъ».

Не хочется быстро идти: точно душа до краевъ переполнилась кладбищенскою тишиною,—до краевъ, какъ бы не расплескаться. Надо тише идти, какъ можно тише...—Сидимъ вотъ здѣсь подъ березой, сестра.—Евфимія молча садится и шевелитъ губами неслышно, и чувствуетъ Вѣра, что она шепчетъ свою фразу непримиренную Все еще не смирилась, не свыклась съ происшедшимъ ей бунтующая оскорбленная душа. Итъ, надо прощенья, надо молчанія, надо тишины.

Растерянный звонъ вдругъ раздается со стороны кладбища. Дробный, немѣрный, испуганный звукъ мѣди потрясаетъ тишину. Встаютъ Вѣра, вздрагиваетъ Евфимія. Неужели въ церкви пожаръ?

А мѣдные звоны все плывутъ съ кладбища, какъ бы жалующіеся и испуганные. Вотъ крестьянинъ, проѣзжавшій къ селу на телѣгѣ, повернулъ лошадей и, ударивъ ее кнутомъ, помчался къ кладбищу. Двѣ бабы, двое мальчишекъ, лежавшихъ у поля, векинули головы и побѣжали за мужикомъ, крестя збы. Что же случилось? И дыма не видно, и звонъ оборвался, — отчего же тревога рветъ сердце, непонятная, отчего душа ежалась и беспомощно дрожитъ?

— Спасите, спасите!—кричитъ кто-то беззубымъ старческимъ голосомъ, и оборачивается Вѣра и смотритъ, — словно игрушечный старичокъ бѣжитъ на нихъ растерянно, неровными шагами, жалко махая рукой, и почему-то прежде всего бросаются въ глаза его громадные продранные лапти.—Что случилось?

Старичокъ подбѣгаетъ и тяжело дышитъ, поглядывая на сестеръ тусклыми глазами и растерянно держа за грудь.—Что случилось?—уже строго спрашиваетъ Вѣра, видя, что это кладбищенскій сторожъ Тихонъ.—Зачѣмъ звонятъ?

Но старикъ все не отвѣчаетъ, онъ не можетъ говорить отъ непривычной бѣготни и только шипитъ и бьетъ себя кулачками по бокамъ, какъ бы выдавливая изъ нихъ замершій воздухъ.

— Ма... Ма... Ма...—бормочетъ онъ и глазами моргаетъ.—Мо...гилкою того... могилкою того... Дорофея придавило. Могилку копаль...

— Какой могилкою? Какого Дорофея?—хочетъ крикнуть Вѣра, и вдругъ все понимаетъ, вся блѣднѣетъ и сжимаетъ кулаки.

— Э т о г о Дорофея?.. Э т о г о?—вскрикиваетъ она и, схвативъ старика за воротникъ рубахи, изступленно трясетъ его и не можетъ оторваться, какъ будто бы именно онъ завалилъ землею копавшаго жепѣ могилу Дорофея.—Его задавило въ ямѣ?—Опамятовавшись, она выпускаетъ сторожа и глухо переспрашиваетъ.—Его?..

— Аминь, аминь,—бормочетъ Тихонъ и бѣжитъ дальше, говоря:—Подкопаль должно, круто, али земля содрѣла... Спасите! Спасите!—уже во весь старческій голосъ кричитъ онъ вдали.

— Надо бѣжать, Евфимія,—сурово шепчетъ Вѣра сестрѣ, и какъ бы стоворившись, схватившись за руки, онѣ бѣгутъ, спотыкаясь на полѣ, по дорогѣ къ кладбищу.—Нѣтъ, какъ же это?.. Какъ?—гнѣвно спрашиваетъ кого-то Вѣра и все бѣжитъ и слушаетъ обрывающееся дыханіе свое и Евфиміи.—Этакого Дорофея задавить... Этакого,—копавшаго жепѣ могилу... Вѣдь я же сказала ему: «Господь до л ж е н ѣ увидѣтъ», и онъ принялъ обѣщаніе, и сказалъ «спасибо» ... и вотъ тутъ же его... его...

Холодно смотритъ Вѣра въ раскрытое, жаромъ дышущее безпредѣльное небо. Оно попрежнему невозмущенное. Что же это, что?..

IV.

Кладбище полно народа. Откуда онъ набрался такъ быстро? Вѣдь есдо недалеко. Слышны пестрые голоса и крики,—точно ожили молчаливые кресты, и тѣ, подъ ними.

Подходитъ Вѣра съ запыхающей Евфиміей и угрюмо смотритъ. Обезображена спокойная четырехугольная яма. Осыпалась земля, и яма стала безформенной, какъ рваная рана на тѣлѣ земли. Два мужика, тяжело отдуваясь, копаются на днѣ ея, сверкая лопатами. По ихъ грязнымъ потрескавшимся шеямъ потъ струится, прилипли къ спинамъ взмокшія рубахи и четко видѣются напругшіе мускулы рукъ.

— Осторожиѣ!—раздается тревожный предостерегающій голосъ.—Онъ долженъ быть тутъ: отседава свалило.

И дѣйствительно, среди взрытахъ комьевъ глины вдругъ тускло и слѣпо взблескиваетъ бѣлое тѣло ноги. Шопотъ стихаетъ. Многіе крестятся.

— О! О!—безпомощно и грубо взываетъ Вѣра и отходитъ, оттаскивая за собою сестру. Но сейчасъ же снова приближается съ нею, не будучи въ силахъ оторваться отъ зрѣлища.—«Какъ же спокойно лицо Евфиміи!»—говоритъ она себѣ.—«Ну какъ же это хорошо въ самомъ дѣлѣ не видѣть».

Но не видѣть нельзя. Осторожно соскребаютъ землю съ человѣческаго тѣла лопаты. Тѣло лежитъ такъ спокойно и ровно, словно говоритъ: «счищайте, счищайте»... Отчего же такъ рвется сердце живое, когда спокойно мертвое? Вотъ часть руки загорѣлой видѣется въ углу ямы, вотъ грудь,—знакомо-красная, слипшаяся рубаха... Отчего же все не видно лица?

— Пустите, пустите,—кто-то грубо ударяетъ Вѣру въ спину, и она оборачивается. Молодой, беззубый бѣлокурый урядникъ протискивается черезъ толпу, расталкивая ветрѣчныхъ эфесомъ рыжей сабли, за нимъ проходитъ высокій, худой, черный человѣкъ въ темной крылаткѣ и кепкѣ, и Вѣра прежде всего почему-то запоминаются голубые шнурки на его мягкой рубашкѣ. Еще видитъ Вѣра, что щеки у него впалыя, шея худая, заросшая волосами, съ твердымъ кадыкомъ, въ рукахъ ящичекъ. Этотъ ящикъ ей объясняетъ все,—надо поосторожиться.

— Докторъ, докторъ... шепчутъ въ толпѣ.—Миколай Миколанчъ... А воиъ и его сироты.

И мгновенно жуткая усмѣшка перечеркиваетъ ротъ Вѣры.—А!..—вскрикиваетъ она.—Такъ у него еще дѣти?.. А-а!—Темноволосое лицо доктора склоняется надъ нею.

— Не надо кричать,—устало говоритъ онъ.

— Хорошо, я не буду,—покорно отвѣчаетъ Вѣра.—Но онъ,—Дорофей Плоховъ? Что съ нимъ?

Вмѣсто отвѣта, докторъ спрыгиваетъ въ яму и тамъ становится подлѣ тѣла.

— Надо бы вытащить, нешто такъ возможно?—бормочутъ въ толпѣ.

— Когда еще вытащутъ, а важно первоначало,—отвѣчаетъ еще кто-то и грубо смѣется.—Учи еще доктора... Грамотей!

Странная, удивленная, совсѣмъ сѣрая голова показывается изъ ямы. Одинъ глазъ вытаращепъ, другой прикрытъ, и никакъ нельзя узнать въ этой сѣрой головѣ спокойное и мудрое лицо Плохова Дорофея.

— Держите же, черти! — кричитъ па толпу урядникъ, трупъ выносятъ наверхъ и кладутъ па травѣ.—Осади! Отступи назадъ! Всѣ послушно отступаютъ и смотрятъ, какъ ровно и спокойно лежитъ неподвижный сѣрый человѣкъ, то, что было человѣкомъ. Онъ совсѣмъ спокоенъ, только ротъ да глазъ

раскрыты и что-то красное тлѣетъ тѣнями въ углахъ губъ... Совсѣмъ спокойная наблюдаетъ Вѣра.

— Дайте же доктору руку, помогите ему выйти,—говоритъ урядникъ и тычетъ въ кого-то кулакомъ. Испачканный въ землѣ, угрюмый докторъ подходитъ къ Дорофею и склоняется, и слушаетъ. Спокойно и увѣренно наблюдаетъ Вѣра.—Да, что-то случилось... слѣпое... Но видитъ Онъ...

— Земля справа-то и обвалилась,—вздыхаютъ въ толпѣ.—Должно, была прежде могила рядомъ—и подопрѣла... а онъ и не остерегся.—Кругомъ сѣрые ждущіе глаза, сѣрые лица, сѣрое небо. И внезапно сѣрую тишину разрываетъ мѣрный и жесткій словно упрямый голосъ доктора.

— Поздно. Ничего нельзя. Померъ.

— А-а-а!—вдругъ снова вскрикиваетъ Вѣра на все кладбище. Она все спокойно наблюдала и ждала и вдругъ услышала отказъ доктора,—но не слова, не смыслъ словъ, а то, какъ онъ поднялся, какъ отряхнулъ съ ладоней крошки земли и какъ взялъ аптечку,—вдругъ пронизали ее безумнымъ ужасомъ.—А-а-а!..

— Я же сказалъ: не надо кричать!—повторяетъ надъ пей докторъ и устало улыбается.—И зачѣмъ вы пришли, барышня, если...—недовольно заканчиваетъ онъ.

— Но какъ же?—вслухъ говоритъ Вѣра и осматривается изумленно, точно одна она пошмаетъ, а остальные—нѣтъ.—Она лежитъ на травѣ, почти рядомъ съ Дорофеемъ, и Дорофеемъ точно слушаетъ ее.—Вѣдь я же только что видѣла. Онъ копалъ для жены могилу. Онъ такъ спокойно копалъ, и я сказала: Богъ это увидитъ, Богъ вознаградитъ...—Она видитъ передъ собою два чумазыхъ дѣтскихъ лица, которыя тупо смотрятъ на недвижнаго Дорофея и улыбаются равнодушно.—Вѣдь это онъ?..

— Я же говорю: такимъ нельзя сюда ѣздить,—раздраженно вскрикиваетъ докторъ и обращается къ Евфимии.—Барышня, хоть вы уведите ее...—Внезапно онъ взглядываетъ въ безжизненные глаза Евфимии, и лицо его бурѣетъ, и онъ морщится, двигая плечами.—Хоть вы бы, что ли, ихъ увели!.. кричитъ онъ на урядника и отходитъ, нервно потирая руки.

«Какой самъ онъ больной!—вспыхиваетъ въ застывшемъ сердцѣ Вѣры.— Но какъ это могло случиться? Какъ могло?»

— Извольте, я доведу васъ, сударыни?—дрогнувшимъ голосомъ предлагаетъ урядникъ.

Онъ усаживаетъ сестеръ въ плетеную бричку, на задкѣ ея садится докторъ.

— Вы бы сюда, Николай Николаевичъ!—говоритъ урядникъ, садясь на облучекъ.

Темное лицо доктора стигивается злыми морщинами.

— Э,—все равно.

Они ѣдутъ. Холоднымъ каменнымъ взоромъ смотритъ на небо Вѣра.

— Нѣтъ, какъ могло это произойти? Какъ могло совершиться?.. Онъ вѣрилъ и ждалъ. Какъ же случиться могло?..

Еще проходя къ бричкѣ, Вѣра сорвала съ бѣлаго крестика поломанную игрушку.

— Ты обманулся, маленькій!..—неизвѣстно кому сказала она.

Н. Крашенинниковъ.